

МОГУЧИЙ ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

К 150-летию
со дня рождения
И. А. Гончарова

Завтра исполняется 150 лет со дня рождения замечательного русского писателя Ивана Александровича Гончарова. Он родился в Симбирске в 1812 году и умер за девять лет до начала нашего века. Произведения Гончарова: три романа — «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», путевые очерки «Фрегат «Паллада», критический разбор комедии Грибоедова «Горе от ума» — «Мильон терзаний» породили большую критическую литературу. Ее открывают имена Белинского, Добролюбова и Писарева.

Лев Толстой говорил о романе «Обыкновенная история» в письме В. В. Арсеньевой: «...Прочтите эту прелесть. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее». Горький называл романы Гончарова «великолепными, глубоко-поучительными» книгами.

Роман «Обыкновенная история» произвел огромное впечатление на современников писателя. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, подробно разбирая роман, характеризует его как одно из замечательных произведений.

Гончаров рисовал картины той эпохи, когда распадался крепостнический, помещичий строй, когда на смену ему утверждался буржуазный строй.

Молодой Адуев — герой «Обыкновенной истории» — мечтатель и бездельник, воспитанный в паразитической дворянской среде, где царил косность, лень, вера во все-

могущество сановного дядюшки, сталкивается с жизнью и убеждается в собственной никчемности. Дядюшка его не только сановник, но и де-

Рисунок Б. Лебедева.

лец, владелец двух заводов — стеклянного и фарфорового. Вот главные действующие лица в романе. В конце концов Александр Адуев превращается в петербургского чиновника-делаягу, повторяя карьеру своего дяди.

«Обыкновенная история» — первый роман трилогии. Вторым был знаменитый «Обломов».

Уже само описание сонного царства в Обломовке поражает читателя не как картина слепополуденного сна в

помещичьей усадьбе, а как нечто большее, как картина жизни целого социального слоя, порожденной эпохой царствования Николая Палкина. «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Все мертво, только из всех углов несет разнобразное храпенье на все тоны и лады.

Изредка кто-нибудь вдруг поднимет со сна голову, посмотрит бессмысленно, с удивлением, на обе стороны и перевернется на другой бок или, не открывая глаз, плюнет спросонья и, почавкав губами или поворчав что-то под нос себе, опять заснет.

А другой быстро, без всяких предварительных приговоров, вскочит обеими ногами с своего ложа, как будто боясь потерять драгоценные минуты, схватит кружку с квасом и, подув на плавающих там мух, так, чтоб их отнесло к другому краю, отчего мухи, до тех пор неподвижные, сильно начинают шевелиться, в надежде на улучшение своего положения, промочит горло и потом падает опять на постель, как подстреленный.

И в этом сонном царстве вырос Обломов, развращенный барством, угодничеством несчастной и тоже развращенной дворни. Но время идет, и даже старики Обломовы поняли, что Илюше надо выходить в люди, послали его в столицу. Но и там, в столице, владелец трехсот душ Обломов киснет в лени, апатии, безделье: в халате, на продавленном диване, под пение канарейки.

Если Александру Адуеву противопоставлен образ его дяди, то Обломову противосто-

поставляется Штольц, сын управляющего-немца, ловкий предприниматель, агент акционерных компаний, энергичный делаяга. Но не этот образ остался жить в литературе, а именно Обломов.

Добролюбов в знаменитой статье «Что такое обломовщина?» писал о герое романа Гончарова: «Ясно, что Обломов не тупая, апатическая натура, без стремлений и чувств, а человек, тоже чего-то ищущий в своей жизни, о чем-то думающий. Но гнусная привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других, — развила в нем апатическую неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства. Рабство это так переплетается с барством Обломова, так они взаимно проникают друг друга и одно другим обуславливаются, что, кажется, нет ни малейшей возможности провести между ними какую-нибудь границу».

А другой русский критик — Писарев предвидел, что понятие «обломовщина» не умрет в нашей литературе, «по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдет во всеобщее употребление».

И так, как это бывает с поэзией классическими произведениями, сатирический образ Обломова был принят на вооружение в политической борьбе. К этому произведению не раз обращался Ленин еще до Октябрьской революции, когда с образом Обломова отождествлял меньшевиков и либералов. После социалистической революции Владимир Ильич в речи о международном и внутреннем положении Советской республики 6 марта 1922 года, бичуя любителей заседаний и сочинителей нежизненных планов, говорил:

«Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы... Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел».

Третий роман Гончарова — «Обрыв» вышел в свет в 1869 году. Демократическая критика встретила его сурово главным образом потому, что писатель неверно изобразил молодого человека того времени «нигилиста» Марка Волохова.

Райский — другой образ романа — дилетант-художник и писатель. Он стал, как отмечал сам Гончаров, бессильной жертвой растрепанности умов, воли и нравов.

Писатель мастерски рисует помещичий патриархальный уклад, многие картины усадьбы жизни, жанровые сцены. Искусство повествования, присущее писателю, чудесный русский язык делают роман «Обрыв» произведением классическим. Самый образ Волохова, несмотря на усилия писателя сделать его отрицательным, интересен тем, что в этом сонном помещичьем мире, на фоне провинциальной глуши Волохов все же представляет собой какое-то бунтующее начало. Обаятелен образ Веры, в котором передовая молодежь того времени видела воплощение многих своих стремлений.

В 1852—1854 годах Гончаров путешествовал с экспедицией адмирала Путятина на фрегате «Паллада». Те, кто полагал, что Гончаров придал Обломову черты собственного характера, ошибались. Решиться на такое продолжительное путешествие мог человек, который хотел видеть мир, людей. Именно

это всегда интересовало писателя. Где бы он ни был, его привлекали жизнь, обычаи, люди, и прекрасный дар повествования делает и сейчас интересными очерки «Фрегат «Паллада».

Зорким своим взглядом Гончаров видел не только мир помещиков, дворян, сановников. Путешествуя на фрегате «Паллада», он посетил Южную Африку, Китай и другие юго-восточные страны. Там он подметил зловещий образ предпринимателя-колонизатора «в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках». И русский художник пишет с глубоким сочувствием к угнетенным народам этих стран: «Холодным и строгим взглядом следил он, как толпа смиренных жителей юга добывала, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы... получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли...»

Замечательно то, что Гончаров показал в своих путевых очерках образ алчного и жестокого «цивилизатора» остальных народов: в их страны явились «люди Соединенных Штатов»... с бумажными и шерстяными тканями, ружьями и пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации».

Горькой иронией звучат эти строки, обличающие «орудия новейшей цивилизации». Эти орудия — ружья и пушки — сейчас усовершенствованы, но служат колонизаторам для той же цели, для того, чтобы держать в рабстве народы Азии и Африки.

Созданные Гончаровым классические произведения не потеряли своей ценности и в наши дни. 150 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова — праздник великой русской литературы.

Лев НИКУЛИН.

Стрелка "1. Москва" 14 июля 1962.